

УДК 82.0

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-3-105-111

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ЖЕНСКОЙ ПРОЗЫ

Фесенко Э. Я.*Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова**Филиал в г. Северодвинске**164500, Архангельская обл., г. Северодвинск, ул. Капитана Воронина, д. 6, Российская Федерация***Аннотация**

Цель. Установить, каковы современные взгляды на женскую прозу как феномен литературного процесса конца XX – начала XXI вв.

Процедура и методы. Рассмотрен ряд подходов к понятию *женская проза*. Используются описательный, сопоставительный методы, теоретико-множественный подход.

Результаты. Показано, что женская проза активно развивается и обладает рядом типичных признаков, проявляющихся не только как идиостилевые: экспрессивность и психологизм, внимание к внесюжетным элементам и притчевость, интертекстуальность и сочетание социального и глубоко личного, интимного, «жестокий реализм», лиризм и др.

Теоретическая и/или практическая значимость. Работа имеет практическое значение для формирования представления о гендерном типе прозы как эволюционирующем направлении в современной литературе.

Ключевые слова: женская проза, литературный процесс, ментальность, эволюционность, явление словесности

ON THE SPECIFICITY OF WOMEN'S PROSE

E. Fesenko*Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov**Branch in Severodvinsk**ul. Kapitana Voronina 6, Severodvinsk 164500, Arkhangelsk Region, Russian Federation***Abstract**

Aim. The aim of the study is to establish the modern views on women's prose as a phenomenon of the literature of the XX–XXI century.

Methodology. Several approaches to the concept of women's prose are considered. Use is made of descriptive and comparative methods, as well as of a set-theoretic approach.

Results. It is shown that women's prose is actively developing and has several typical features that manifest themselves not only as idiosyncratic ones: expressiveness, psychologism, attention to off-plot elements, parables, intertextuality, a combination of social and deeply personal, intimate, cruel realism, lyricism, etc.

Research implications. The work is of practical importance for the formation of an idea of the gender type of prose as an evolving direction in modern literature.

Keywords: female prose, literary process, mentality, evolutionary nature, the phenomenon of literature

Введение

В самом начале XX в. в обществе возникла необходимость в создании женского круга чтения, в частности книг для девочек. И появились книги Лидии Чарской, в которых рассматривались проблемы подростка, роман Анастасии Вербицкой «Ключи от счастья», который напоминал историю Золушки. Под мужским псевдонимом А. А. Алтаев биографические книги для детей создавала М. Ямщикова. Женская ментальность стала предметом интереса для Е. Нагродской. Всем этим книгам, конечно, был присущ элемент развлекательности.

Корней Чуковский с некоторой издёвкой писал о популярных романах Л. Чарской и А. Вербицкой, отмечая такие их черты, как «сентиментальность», «гламурный эстетизм», «формульное письмо, предусматривающее составление романов из готовых сюжетных, образных и стилистических блоков» [9, с. 123]. Для критиков они стали синонимами слов «дамскость» и «пошлость» [4]. При этом стало вполне очевидным, что литература ушла от того состояния, когда «женщина считалась только мотивом для создания художественных работ» [7, с. 68], которые долго относили к литературе «массовой», а в конце XX в. такие критики, как, например, Вячеслав Курицын, стали говорить о «серьёзной» дамской прозе, относя к ней произведения Ольги Славниковой и Людмилы Петрушевской, хотя Андрей Немзер продолжал писать об «умеренной и аккуратной дамской прозе», предназначенной для электричек и дач, несправедливо относя к ней даже произведения Людмилы Улицкой с её «эксплуатацией дамско-семейных тем» [9, с. 123].

Сергей Чупринин, напротив, стал выделять «житейскую прозу», относя к ней произведения Виктории Токаревой и Галины Щербаковой. В терминологическом словаре «Русская литература сегодня: Жизнь по понятиям» в статье «Дамская проза» [9, с. 123] он размышлял о ней как о «явлении специфическом», при этом вы-

деляя особую группу произведений, которые ставят своей целью «сексуальное просвещение наших современниц», имея в виду книги Дили Еникеевой, Людмилы Матвеевой, многим критикам дававшим основание называть такую прозу «бабством». С. Чупринин определял её как «антифеминистичную по своей природе» [9, с. 124]. В статье «Качественная литература», где идёт речь о «внежанровой литературе», «серьёзной литературе», «традиционной литературе», к таковой отнесены, по утверждению одного из руководителей издательства «Эксмо» Олега Савича, с отметкой «литература для немногих» произведения Л. Улицкой [9, с. 198]. В терминологический словарь Сергея Чупринина включены и такие статьи с проблемно сформулированными заголовками, как «Гендерный подход в литературе, женская литература» [9, с. 108–111], «Феминизм в литературе, феминистская литература» [9, с. 603–605].

Понятие *женская проза* формировалось многие годы, но в научной обиход вошло в конце XX в., когда о нём заговорили как об особом явлении литературного процесса в период 1988–1992 гг. Несмотря на то, что в конце XX века женская проза приобрела новый статус, до сих пор появляются статьи критиков, обвиняющих её авторов «в мелкотемье», убеждённых в том, что темы «внутрисемейные отношения», «женщина и мужчина», «женщина и ребёнок», «одиночество», «любовь» именно таковы, т. к. в их интерпретации доминируют чувства. О каком «мелкотемье» можно говорить, если писателями поднимаются такие вопросы, как сложные взаимоотношения между разными поколениями, воспитание отношения растущего человека к родине, а зрелой личности – к правде и лжи, к экзистенциальной проблеме счастья, судьбы? Если в них есть выход на философско-религиозный уровень осмысления жизни героинь, хотя часто в оценке используется инструмент иронии и самоиронии? При этом равнодушие – ведущая черта языковой личности авторов женской прозы, достойная внимания.

Как видим, проблема статуса женской прозы, характеристика её вклада в формирование мировоззрения, литературного вкуса, социальной позиции адресата существует и требует оценки, равно как и закрепление номинирующего термина в литературоведении в качестве рабочего, осмысление эволюции этого понятия, с чем и связана актуальность настоящей работы и её новизна.

В использовании описательного метода и сопоставительного анализа позиций исследователей и критиков в качестве ведущего метода работы в рамках проблематики нам видится новизна предлагаемого материала. Проследить эволюцию понятия *женская проза* сквозь призму различных оценок с помощью данного метода – цель данной работы.

Эволюция термина *женская проза*

В 2000-х термин *женская проза* появился не только во многих статьях (М. Абашевой, О. Павлова, Е. Гессен, П. Басинского, М. Арбаговой и др. [7]), но и в учебном пособии Н. Л. Лейдермана и М. Н. Липовецкого «Современная русская литература: 1950–1990-е гг.»¹.

В главе «Постмодернизм в 1980–1990-е годы» в одном из разделов его авторы размышляют о произведениях Татьяны Толстой «с изысканной сложностью и красотой их поэтики»², а в главе «Судьбы реалистической традиции» – о «новой женской прозе», представляющей «особое направление в неонатурализме», в котором переплетаются элементы сентиментализма и натурализма: «новый сентиментализм ищет язык, в котором телесные функции приобрели бы духовное значение»³.

По мнению А. Зорина, эта проза интересна «не только освещением прежде запретных тем – проституции... жестоко табуированных в высокой культуре или получающих в ней строго фиксированное

освещение; смерть и её физиология, болезнь, эротическое вождение, в том числе и нетрадиционного типа, изнанка семейной жизни и любовных отношений, сексуальная неудовлетворенность, аборт, алкоголизм, бедность и борьба за физическое выживание и пр.» [3, с. 198–199; 11].

А по мнению Л. Н. Лейдермана и М. Н. Липовецкого, «особое направление в неонатурализме представляет женская проза. Её манифестами стали произведения Людмилы Петрушевской, Светланы Василенко, Людмилы Улицкой, Марины Палей, Ирины Полянской, Нины Горлановой: “Важнейшей чертой этой прозы является то, что в ней “чернушный” хаос и повседневная война за выживание, как правило, разворачиваются вне особых социальных условий – напротив, “новая женская проза” обнажает кошмар внутри нормальной жизни: в любовных отношениях, в семейном быту... Именно в женской прозе происходит важная трансформация “чернухи”: открытая в этой прозе телесность создаёт почву для нео-сентименталистского течения 1900-х годов»⁴, когда «произошла серьёзная переакцентировка собственной сентименталистской традиции»⁵.

Они приводят в пример рассуждения американской исследовательницы Хелены Гошило, утверждающей, что «новаторство этой прозы состоит в том, что она разрушает традиционные для русской культуры идеальные представления о женской скромности, верности и жертвенности, выдвигая на первый план жизнь женского тела: новая “женская проза” полностью и без осуждения принимает сексуальное наслаждение женщины, подобно физическому аппетиту, обращается не только к сексуальности, но и к другим телесным процессам, как-то: к менструации, деторождению, описывая их спокойно и без умолчаний...» [12, p. 105–106]. Литература показала, что в жизнь женщины нередко вторгается насилие, от чего она страдает и физически, и духовно. И, по наблюдению

¹ Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: учебное пособие: в 2 т. Т. 2. М.: Академия, 2003. С. 686.

² Там же. С. 467.

³ Там же. С. 567.

⁴ Там же. С. 563–564.

⁵ Там же. С. 566.

Гошило, в женской прозе «центральным хронотопом» часто становится больница: «палата женской больницы уравнивается с микрокосмом женского сегмента общества» [12, р. 122]. Это стало темой очерков Марины Палей «Отделение пропащих», в которых автор утверждает экзистенциальную природу больницы, где остро встает проблема жизни и смерти, и её романа «Кабирия с Обводного канала», в котором тело Моньки Рыбной, бескорыстно раздающей мужчинам свою любовь, становится своеобразным, хотя и трагическим символом Вечной Природы. Сексуальность этой героини можно рассматривать как выход из одиночества, как поиск диалога с Другим.

Все критики отмечают архетипическую связь женской прозы с неосентиментализмом, ибо её героем часто становится «маленький человек» со своими душевными и физическими страданиями, к которому авторы испытывают сострадание из-за его неспособности осознать всё, что происходит вокруг него, а часто и в нём самом. Достаточно вспомнить Медею Л. Улицкой и Кабирию М. Палей. Об этом размышлял Борис Поплавский в работе «О смерти и жалости в “Числах”»¹. Не менее важной стала антитеза социальных страстей и сексуальной стороны жизни героинь женской прозы: в ней «телесность» выступает на первый план в результате глобального разочарования в разуме ... Тело же выступает как неотменимая подлинность ... Среди этих чувств самое почётное место занимает жалость, становящаяся синонимом гуманности»².

Попытки схематизировать литературный процесс рубежа XX–XXI в. привели его исследователей к мысли о несовершенстве привычных методик (по литературным направлениям, жанрам, стилям), т. к. определить авторскую индивидуальность

в какую-то «школу» или «направление» не просто: она сопротивляется, хотя устоялись такие термины, как «новый реализм», «жестокый реализм», «постреализм», «иная проза», «мистико-метафорическая проза». Сергей Чупринин прав, утверждая, что «время жёстких эстетических предпочтений и позиционно вкусовых размежеваний уже прошло» [10, с. 207]. Он убеждён, что все «изломы» (реализм, натурализм, концептуализм, постмодернизм) «рассыпались на писательские индивидуальности», а «реальность» стало то, что книги стали важнее и интереснее «тенденций» потому, что «в цену вновь вошли неповторимость, штучный художественный опыт» [10, с. 207].

Эти наблюдения помогают понять и многокрасочный спектр женской прозы. Так, например, составители хрестоматии «Русская проза XX века»³ в рамках женской прозы в разделе «Женщины в игре без правил» (по названию романа Галины Щербаковой), размышляя о том, что и в литературный процесс начала XX века, обозначенного как Серебряный век, и в последние десятилетия его авторы внесли в культуру «свободу чувств, прелесть человеческой индивидуальности, тонкий эстетизм», по утверждению С. И. Тиминой, и «по праву заняли самые престижные позиции в литературном пространстве», так как это – «по-настоящему большая и серьёзная проза», в которой «реализуются художественные открытия на уровне стиля, сюжета, характеров ... совершается прорыв в новые эстетические сферы, поднимается плёнка литературы, осуществляется переход в культурное пространство XXI века»⁴. Не случайно в издательстве «Вагриус» издана особая серия прозы современных писательниц под названием «Женский почерк». Этот особый почерк, несомненно, присущ Т. Толстой и Л. Улицкой, Д. Рубиной и Н. Сагур, Л. Петрушевской и М. Вишневецкой, О. Славниковой и

¹ Поплавский Б. Ю. Неизданное: Дневники. Статьи. Стихи. Письма / сост., комм. А. Богословского, Е. Менегальдо. М.: Христианское изд-во, 1996. С. 263.

² Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: учебное пособие: в 2 т. Т. 2. М.: Академия, 2003. С. 567.

³ Русская проза конца XX в.: хрестоматия: учебное пособие для студентов вузов / сост., вступ. ст. С. И. Тиминой. М.: СПб.: Academia, 2002. 638 с.

⁴ Там же. С. 11–12.

М. Палей, В. Токаревой и И. Полянской, Г. Щербаковой и Г. Яхиной, В. Нарбиковой и Е. Катишонок, Е. Некрасовой, М. Кучерской, М. Степановой.

И. М. Попова и Е. В. Любезная считают возможным «говорить об особой системе эстетического мировосприятия применительно к “женской прозе” рубежа веков, образующей целостное культурное пространство» [8, с. 1020], соглашаясь с точкой зрения Л. Ф. Алексеевой в том, что в него входят произведения, «несущие и традиционную функцию нравственного воспитания, и эстетически эпатажную постмодернистскую ... тенденцию»¹. Данное умозаключение, по мнению указанных исследователей, обусловлено сочетанием ряда факторов: авторами этих книг являются женщины, как и их героини; их проблематика всегда связана с женской судьбой, а главное в них – это взгляд на мир с точки зрения женщины, с учётом специфики женской психологии. Героиня этой прозы – человек, часто задумывающийся над «вечными» вопросами бытия. На пути к душевному совершенству героиня женской прозы может пройти через драматические, а порой и трагические испытания, при этом стать ещё сильнее. Это указывает на проявление в женской прозе психологизма, чертами которого в литературных произведениях признают «относительно простое развитие сюжета; симпатии и антипатии автора по отношению к своим героям; включение в текст бытовых бесед, сентиментальная психологическая установка автора» [1, с. 201; 2]. К особенностям современной женской прозы также относится организация сюжета, в котором превалирует анализ и комментарий происходящих событий, большое внимание к внесюжетным элементам – портрету, интерьеру, пейзажу, отступлениям [6, с. 102–104]. Так, Татьяна Толстая в сборники своих рассказов включает и эссе, и очерки, позиционируя их как художественную

прозу, так как это фиксирует и движение души, и работу мысли.

Женской прозе, кроме гендерного характера [10, с. 74], присущи «публицистичность, злободневность, усиленная экспрессивность» [1, с. 202]. Её авторы не могут не учитывать исторического опыта трагического XX в. Они стремятся противостоять дисгармонии жизни общества и отдельного человека. Это актуализируется в произведениях Татьяны Толстой («Соня» и «На золотом конце сидели...»), Людмилы Улицкой («Девочки»), в сборниках Виктории Токаревой («Казино»), в романах Дины Рубиной («Белая голубка Кордовы», «Русская канарейка», «Наполеонов обоз») и др. Через призму восприятия женщинами история становится осязаемой. События из частной жизни в них перемешаются с событиями жизни общественной. Сюжет любовного романа может развёртываться в современности или на историческом фоне. В этом художественная женская проза сближается с документальной, особенно с жанром дневников. Такие черты, как исповедальность, самоанализ, определённый субъективизм в изложении рассказанных историй, авторский комментарий, ёмкость мысли, афористичность языка и многое другое отличают дневники Л. В. Шапориной, Л. К. Чуковской, И. И. Эренбург, О. Берггольц, М. Васильчиковой. Благодаря их текстам зазвучали голоса женщин в истории.

Заключение

Женскую прозу отличает интертекстуальность, актуализируемая в большом количестве исторических и культурных отсылок. Пример – роман Т. Толстой «Кысь», в котором автор обращается не только к классическим текстам русской литературы, но и к фольклору, и к мифологии, и к Библии с их архетипической основой. К текстам Библии и фольклорным текстам обращались М. Вишневецкая и Л. Петрушевская. У В. Токаревой аллюзии нередко наполняются иронией. Использование притчевых элементов при-

¹ Алексеева Л. Ф. Литературная жизнь 1970–2000-х гг. // История русской литературы XX века: учебное пособие: в 4 кн. / под ред. Л. Ф. Алексеевой. Кн. 4: 1970–2000 годы. М.: Высшая школа, 2008. С. 13.

водит к мифологизации действительности в литературных произведениях, выражающейся в метафоризации языка, в насыщении их символами и иносказаниями. При этом может измениться даже интонация повествования.

Язык произведений женской прозы зависит и от жанра, к которому обращается автор, – это может быть социально-психологический или сентиментальный роман (повесть). Индивидуальный стиль проявляется в использовании, например, элементов и «жесткого реализма», и «неосентиментализма», и «натурализма» при описании бытовых деталей жизни. «Жесткий реализм» может соединиться даже с тонким лиризмом.

Необходимо выявлять закономерности художественных миров наиболее талантливых представителей женской прозы, т. к. справедливо замечала Т. Морозова, «женской литературе принадлежит будущее, а может быть, уже и настоящее»¹. Правда, критик В. Килияков считал, что «настаивать на типологических отличиях “женской” литературы неосторожно. Хорошая проза хороша как таковая, как явление словесности» [5, с. 169–197], с чем также можно согласиться, не оставляя данный круг произведений без внимания как перспективный для изучения в XXI в. – в новых условиях непрерывно изменяющейся жизни.

Статья поступила в редакцию 25.04.2022.

ЛИТЕРАТУРА¹

1. Антипина Е. С., Гилева А. М. Феномен «женской прозы» в современной русской литературе // *Global and Regional Research*. 2020. Т. 2. № 3. С. 199–204.
2. Горжая А. А. Психологическая женская проза как объект исследования // *Гуманитарные и юридические исследования*. 2020. № 2. С. 175–181.
3. Зорин А. Круче, круче, круче... История победы: Чернуха в культуре последних лет // *Знамя*. 1992. № 10. С. 198–199.
4. Иванова Н. Неопалимый голубок. «Пошлость» как эстетический феномен // *Знамя*. 1991. № 8. С. 211–223.
5. Килияков В. О женском в современной литературе // *Литературная учёба*. 1996. № 4. С. 69–197.
6. Колондаева Н. А. Архетип ленинградской квартиры в романах Е. С. Чижовой // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*. 2021. № 5. С. 100–105.
7. Московкина Е. А. К вопросу о «женской прозе» в новейшей русской литературе // *Приоритетные направления развития науки, техники и технологий: Материалы Международной научно-практической конференции, Кемерово, 29 февраля 2016 г. Кемерово: Западно-Сибирский научный центр, 2016. С. 206–211.*
8. Попова И. М., Любезная Е. В. Феномен современной «женской прозы» // *Вестник Тамбовского государственного технического университета*. 2008. Т. 14. № 4. С. 1020–1024.
9. Чупринин С. Русская литература сегодня: Жизнь по понятиям. М.: Время, 2007. 768 с.
10. Чупринин С. Тринадцатое мнение, или «Знамя» после 1996 года // *Знамя*. 1997. № 1. С. 205–211.
11. Эпштейн М. Прото-, или Конец постмодернизма // *Знамя*. 1996. № 3. С. 196–209.
12. Goscilo H. *Dehexing Sex: Russian Womanhood During and After Glasnost*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1996. 183 p.

REFERENCES

1. Antipina E. S., Gileva A. M. [The Phenomenon of “Women’s Prose” in Modern Russian Literature]. In: *Global and Regional Research*, 2020, vol. 2, no. 3, pp. 199–204.
2. Gorzhaya A. A. [Psychological Female Prose as an Object of Research]. In: *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya* [Humanitarian and Legal Research], 2020, no. 2, pp. 175–181.
3. Zorin A. [Cooler, Cooler, Cooler... The History of Victory: Gallows Humor in the Culture of Recent Years]. In: *Znamya* [Banner], 1992, no. 10, pp. 198–199.
4. Ivanova N. [Burning Dove. “Vulgarity” as an Aesthetic Phenomenon]. In: *Znamya* [Banner], 1991, no. 8, pp. 211–223.

¹ Морозова Т. Дама в красном и дама в чёрном // *Литературная газета*. 1994. № 26. С. 4.

5. Kilyakov V. [About Women in Modern Literature]. In: *Literaturnaya ucheba* [Literary Studies], 1996, no. 4, pp. 69–197.
6. Kolondaeva N. A. [The Archetype of the Leningrad Apartment in the Novels of E. S. Chizhova]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology], 2021, no. 5, pp. 100–105.
7. Moskovkina E. A. [On the Issue of “Women’s Prose” in the Latest Russian Literature]. In: *Prioritetnye napravleniya razvitiya nauki, tekhniki i tekhnologii: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Kemerovo, 29 fevralya 2016 g.* [Priority Directions for the Development of Science, Technology and Technology: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Kemerovo, February 29, 2016]. Kemerovo, West Siberian Scientific Center Publ., 2016, pp. 206–211.
8. Popova I. M., Lyubeznaya E. V. [Phenomena of “Women’s Prose”]. In: *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tambov State Technical University], 2008, vol. 14, no. 4, pp. 1020–1024.
9. Chuprinin S. *Russkaya literatura segodnya: Zhizn po ponyatiyam* [Russian Literature Today: Life by the Codes]. Moscow, Vremya Publ., 2007. 768 p.
10. Chuprinin S. [The Thirteenth Opinion, or the “Banner” after 1996]. In: *Znamya* [Banner], 1997, no. 1, pp. 205–211.
11. Epshtein M. [Proto-, or the End of Postmodernism]. In: *Znamya* [Banner], 1996, no. 3, pp. 196–209.
12. Gosילו H. *Dehexing Sex: Russian Womanhood During and After Glasnost*. Ann Arbor, University of Michigan Press, 1996. 183 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фесенко Эмилия Яковлевна – кандидат филологических наук, профессор, доцент кафедры литературы и русского языка филиала Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова в г. Северодвинске;
e-mail: e.fesenko@narfu.ru; ORCID: 0000-0002-2834-3860

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Emilia Ya. Fesenko – Cand. Sci. (Philological Sciences), Prof., Associate Prof., Department of Literature and Russian Language, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Branch in Severodvinsk;
e-mail: e.fesenko@narfu.ru; ORCID: 0000-0002-2834-3860

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Фесенко Э. Я. К вопросу о специфике женской прозы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 3. С. 105–111.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-3-105-111

FOR CITATION

Fesenko E. Ya. On the Specificity of Women’s Prose. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 3, pp. 105–111.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-3-105-111